

*Протоиерей Вадим Суворов,
преподаватель КДС, кандидат богословия*

**ИДЕЯ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»
в спорах о первенстве Константинопольского
и Московского Патриархатов в XX веке**

Рассматривая внутриправославную богословскую полемику XX века по вопросу о первенстве во Вселенской Церкви, важно понимать те международные и внутриполитические факторы, которые оказывали существенное влияние на ход и содержание этой полемики.

Особую роль в спорах о первенстве Константинопольского и Московского Патриархатов после завершения Второй мировой войны сыграла религиозно-историософская и политическая идея «Москва – Третий Рим».

Актуальность проблемы первенства в современных межправославных отношениях, а также последние изменения в положении России на международной арене делают данную тему весьма злободневной.

Опубликованные в последнее время рассекреченные документы и ряд новейших исследований позволяют сделать однозначный вывод о том, что, начиная с весны 1943 года, советское руководство стало активно использовать Русскую Православную Церковь в качестве инструмента в большой международной политике. По замыслу Сталина, в борьбе Советского государства за сферы влияния в послевоенном переустройстве мира Русской Православной Церкви отводилась одна из ключевых ролей. Stalin планировал превратить Москву в мировой религиозный центр – «Третий Рим», своего рода «Православный Ватикан», через который Советский Союз мог бы осуществлять свое доминирующее влияние во всем мире.

Для решения этой задачи предполагалось:

- 1) организовать всемирное движение против «папизма» во главе с Русской Церковью в целях борьбы с Ватиканом как международным центром влияния, политически и идеологически враждебным СССР;
- 2) способствовать подчинению Православных Церквей Европы и Америки влиянию Московской Патриархии;
- 3) ослабить влияние Константинопольского Патриархата, расширить влияние Русской Православной Церкви, утвердить ее первенство среди Поместных Православных Церквей, перенести центр Вселенского Православия из Константинополя в Москву;
- 4) использовать международное влияние Русской Православной Церкви через ее участие в экуменическом движении, «борьбе за мир» и т.п.

По осуществлению этой политики на самом высоком государственном уровне велась масштабная работа. Внешние контакты Московской Патриархии организовывались при непосредственном участии соответствующих государственных органов и осуществлялись по их прямым указаниям и инструкциям. На эту деятельность, в том числе на прямой подкуп в виде щедрых денежных подарков иерархам других Церквей, правительством выделялись значительные суммы¹.

В докладной записке В.Молотову от 28 мая 1945 года Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г.Карпов писал: «...Специальным самолетом вылетела из Москвы через Тегеран в страны Ближнего Востока церковная делегация в составе 12 человек во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием. <...> В состав делегации вошли <...> в качестве секретаря Патриарха и трех слуг для охраны Патриарха четыре сотрудника НКГБ СССР. <...> Членам делегации даны соответствующие разъяснения о порядке проведения вопросов, подлежащих обсуждению с Восточными патриархами, и о поведении»². Эта докладная записка с грифом «Совершенно секретно» была также направлена Карповым И.Сталину (первый экземпляр) и Л.Берии.

В подробной докладной записке на имя Сталина об итогах состоявшейся поездки Г.Карпов, в частности, отмечает: «По наблюдениям Патриарха Алексия, Иерусалимская, Александрийская и особенно Антиохийская патриархии сильно материально нуждаются и имеют большие надежды на помощь от Русской Церкви и Советского правительства не только моральную, но и материальную. <...> По инициативе восточных патриархов в беседах с Патриархом Алексием был затронут вопрос о Вселенском Соборе, не созывавшемся с VIII века. Все патриархи высказываются за желательность созыва Вселенского Собора и единодушно указывают на то, что Собор должен состояться в Москве. Из обмена мнениями по этому вопросу между патриархами – Собор должен будет избрать Вселенского патриарха и решить вопрос о перенесении центра православия в Москву, причем, по примеру прежних Вселенских Соборов, которые собирались, хотя по инициативе представителей Церквей, но не Церквами, а государствами, и этот Собор должен быть создан таким же порядком. В этой связи Патриарх Иерусалимский Тимофей высказал мысль, что было бы жестом исключительной политической и церковной важности, если бы русское правительство проявило бы инициативу и пошло бы навстречу этим желаниям устроить Вселенский Собор в Москве»³.

В сентябрьском номере «Журнала Московской Патриархии» за 1946 г. появляется информация «об исключительном оживлении» в лоне Православной Вселенской Кафолической Церкви, под фактическим води-

тельством Русского Православия: «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать»⁴. На 1947 г. намечается проведение в Москве Предсоборного совещания, основной целью которого, согласно очередной докладной записке Г.Карпова, провозглашалась подготовка созыва в 1948 г. Вселенского Собора «для решения вопроса о присвоении Московской Патриархии титула вселенской»⁵.

В 1947 году «Журнал Московской Патриархии» начинает активно публиковать богословские и исторические статьи, основная задача которых сводилась к опровержению претензий Константинополя на вселенское первенство в духе «восточного папизма». В 11-м номере журнала за 1947 год выходит статья профессора С.В. Троицкого «О границах распространения права власти Константинопольской Патриархии на “диаспору”»⁶. В данной статье Троицкий доказывает безосновательность теории об обязательном и исключительном подчинении Константинопольской Церкви всего православного «рассеяния» и называет данную новоизмышленную теорию «папистической и антиканонической ересью»⁷. В следующем, 12-м номере, выходит его же статья «Где и в чем главная опасность?»⁸, которая явилась ответом на публикацию Закинфского митрополита Хризостома «Две главные опасности», вышедшую в официальном печатном органе Элладской Церкви «Екклесия»⁹. Статья митрополита Хризостома была вызвана опасениями по поводу того, что «славянство и славянские православные Церкви под покровительством Русской Патриархии, которые теперь находятся под коммунистическим режимом, <...> стремятся помрачить славу Вселенской Патриархии и поставить Русского Патриарха Алексия на то видное место, которое в течение веков занимает, по постановлениям Вселенских Соборов, Вселенская Патриархия»¹⁰. Митрополит Хризостом пишет, что «мрачные и вероломные планы» заменить собой Константинополь Москва пытается осуществить уже не в первый раз. И ранее, «во время царского режима», Русская Церковь, «по соглашению с остальными славянскими Церквами – Болгарской, Сербской и т.д. – употребляла многие методы и многие средства, чтобы парализовать и заменить Вселенскую Патриархию»¹¹.

Как известно, попытка провести в 1948 году всеправославный Собор в Москве не удалась, поскольку встретила сопротивление со стороны греческих Церквей. В частности, Кипрская Церковь отказалась принять приглашение на Собор, объяснив это тем, что подобные приглашения полномочна делать только Вселенская Константинопольская Патриархия «как первая православная на нашем Востоке Церковь»¹². В борьбу за срыв московского замысла включился Ватикан. На Восточных Патриархов оказывалось разностороннее давление, представители различных

американских организаций подкупали их крупными суммами валюты¹³. На Западе активно поддерживалось мнение, что «что Русская Православная Церковь стремится подчинить своему господству остальные Православные автокефальные Церкви, а Правительство СССР пользуется Православной Церковью как орудием своей политики»¹⁴.

В результате в 1948 году в Москве было проведено лишь Совещание глав и представителей Православных Церквей, которое было приурочено к празднованиям 500-летия автокефалии Русской Церкви. В Совещании приняли участие патриархи: Московский Алексий, Грузинский Каллистрат, Сербский Гавриил, Румынский Юстиниан, Экзарх Болгарии митрополит Стефан, представитель Антиохийского Патриарха митрополит Александр, епископ Корчинский Паисий от Албанской Церкви и архиепископ Белостокский Тимофей – от Польской Церкви. Иерусалимская Церковь отказалась участвовать в торжествах в связи с «опасным положением на Востоке вообще, а особенно в Палестине», ответив, что эти обстоятельства не дают возможности «Святейшей Матери Церквей должным образом подготовиться к столь серьезному Совещанию»¹⁵. Александрийская Церковь, сославшись на «происходящие в Палестине и соседних странах события» и возникающие «большие затруднения в послевоенные дни», также сочла невозможным послать в Москву своих делегатов, поручив представительство от своего имени на торжествах и на Совещании Антиохийской делегации¹⁶. Уклонилась от участия в торжествах и Кипрская Церковь. Прибывшие на торжества представители Константинопольской и Элладской Церквей согласились принять участие в праздничных мероприятиях, но от участия в работе Совещания отказались. В качестве официальной причины было объявлено нарушение порядка созыва общеправославных встреч. Вселенский Патриарх Максим заявил, что предстоятель Русской Церкви должен был вначале сообщить о своей инициативе ему, как первому епископу Православной Церкви, а он мог бы оповестить об этом глав других Поместных Церквей и в случае их согласия разослал бы официальные приглашения¹⁷.

Открывая юбилейные торжества, Патриарх Московский Алексий (Симанский) с сожалением отметил, что данное собрание, как и недавние визиты московских церковных делегаций в пределы других Поместных Церквей, «многие склонны рассматривать как наше стремление подчинить братские Церкви влиянию, руководству и владычеству Русской Церкви»¹⁸. Патриарх Алексий опроверг эти обвинения, объяснив их действиями «врагов Православия и русского народа», «ложью и тенденциозностью огромной части европейской и заокеанской прессы, в которой разрабатываются эти измышления»¹⁹.

В описании юбилейных торжеств, опубликованном в специальном номере «Журнала Московской Патриархии», также подчеркивалась мысль, что Русская Церковь «по числу принадлежащих к ней верующих, по духовному и материальному богатству, по силе и влиянию превосходит все прочие Православные Церкви. Но она никогда не собиралась пользоваться преимуществами своего положения для гегемонии в православном мире... Своим влиянием она пользовалась, чтобы выручать из бед, спасать другие Церкви и народы»²⁰.

Однако идея Москвы как Третьего Рима на торжествах все-таки прозвучала. Митрополит Софийский Стефан, глава Болгарской Церкви, в своей пространной приветственной речи попытался охватить все этапы почти тысячелетнего служения Русской Церкви «Богу, родному народу и даже всему человечеству»²¹. По его словам, освобождение Русской Церкви от подчинения Царьграду в 1448 году не было «бунтом подчиненных» или «отказом возмужавшей Дочери от безусловного подчинения своей Матери». Это было «мужественным шагом великой Церкви, приготовившейся защищать все Вселенское Православие, в том числе и греческое <...>. Москва стала Третьим Римом, заняв в исповедании Христовой истины место Первого отдалившегося от религиозной правды Рима и Второго, посколькунувшегося на пути веры, Рима – Константинополя».

Тему Москвы – Третьего Рима продолжил в своем приветственном слове архиепископ Белостокский и Бельский Тимофей, представитель Польской Православной Церкви. Касаясь обстоятельств объявления Русской Церковью автокефалии, он сказал: «Идея Третьего Рима, возникшая в этом периоде, имеет свое историческое обоснование, но идея эта воспринимается как Церковью, так и народом в ее наиболее идеальном понимании. Принимая на себя миссию хранительницы чистоты заветов Православия, Святая Церковь Российская не ищет первенства между иными Церквами, но жертвенно, согласно заветам Христа, служит сестрам – Церквам Православным и своей высокоразвитой богословской наукой, и своим высоким религиозным опытом, и всеми доступными ей средствами. Идею эту воспринял в плоть и кровь и великий народ российский, кровью лучших сынов во время освободительных войн на Балканах идею эту утвердивший. Наконец, и последняя мировая война еще раз показала единство целеустремленности Церкви и народа»²³.

«Знаменитую теорию» о Третьем Риме упомянул в своем докладе «Пятисотлетний юбилей автокефалии Святой Русской Православной Церкви» доцент Московской духовной академии Н.И. Муравьев.

На заключительном пленарном заседании было зачитано предложение, внесенное Патриархом Сербским Гавриилом. Суть его сводилась к

следующему: просить Патриарха Московского и всея Руси Алексия, чтобы Московская Патриархия «совместно со Вселенской Патриархией» взяла на себя инициативу достичнуть совместного решения всех Православных Автокефальных Церквей, чтобы: 1) все Православные Автокефальные Церкви производили нужные им реформы в братском взаимном согласии, одновременно и в одинаковом объеме; 2) по отношению ко всем инославным христианским Церквам они выступали как одно целое по всем вопросам вероучения и сотрудничества; 3) было подготовлено новое издание православной христианской «омологии» (исповедания веры). Как утверждается в официальном изложении хроники торжеств, «Святейший Патриарх Алексий благодарил за доверие и согласился принять на себя этот великий труд при полном одобрении всех собравшихся»²⁴.

В своей речи на заключительном пленарном заседании Патриарх Алексий выразил глубокое сожаление о том, что «иерархи Греческих Церквей не получили полномочий от своих глав, и прежде всего от Его Святейшества Вселенского Патриарха Константинопольского, на участие в нашем Совещании»²⁵. При этом Патриарх выразил надежду на то, что Московское совещание есть «только начало общих собраний Православных Церквей для совместного решения постепенно назревающих общечерковных вопросов»²⁶.

Таким образом, задачи, возлагавшиеся в 1948 году на Московское всеправославное совещание, были выполнены лишь отчасти. Советское правительство использовало торжественное празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви как мероприятие, от которого Поместным Церквам было трудно уклониться, чтобы в их присутствии заявить о первостепенном значении Русской Православной Церкви в союзе Православных Церквей. По государственному замыслу, на Московском совещании 1948 г. должны были утвердиться нужные Советскому Союзу внешнеполитические документы. О ходе празднований Г.Карпов почти ежедневно писал доклады секретарям ЦК ВКП(б) – сначала А.Жданову, а затем Г.Маленкову. Копии докладов передавались И.Сталину. Все решения Совещания заранее получали санкцию партийного руководства²⁷.

Было бы, однако, ошибкой считать все решения Совещания написанными под диктовку советских властей. Активность руководящих деятелей Русской Православной Церкви в выполнении чисто политических акций оказывалась весьма далекой от расчетов сталинского окружения. Если исключить политические заявления, деяния этого Совещания содержат богатый материал по актуальным богословским вопросам²⁸. «К сожалению, – пишет М.Шкаровский, – это был кратковременный прорыв православной мысли, возможно, по «недосмотру» контролирующих государственных органов»²⁹.

Надежды советского руководства на проведение Вселенского Собора и скорейшее превращение Москвы в «Третий Рим» не оправдались. Московское совещание не стало всеправославным даже по своему составу. После неудачи 1948 года международная деятельность Московской Патриархии резко пошла на спад. Колебания международной активности Русской Православной Церкви были напрямую связаны со степенью заинтересованности советского руководства во внешнеполитических акциях Московского Патриархата³⁰.

Вместе с тем было бы неправильно считать внешнецерковную политику Московской Патриархии в советский период, в частности, в ее отношениях с Константинопольским Патриархатом, полностью навязанной Кремлем. Как отмечает М.Шкаровский, некоторые русские иерархи были искренне заинтересованы в восстановлении могущественной Русской Церкви с ее дореволюционным международным влиянием, сочувствовали идее «Великой Руси»³¹. Подчиняясь интересам советской внешней политики, они стремились использовать ее во благо Церкви.

Интересно, что среди русских иерархов и богословов идею Москвы как Третьего Рима разделяли в том числе сторонники первенствующей роли Константинопольского патриарха и его юрисдикции.

Вдохновленный военно-политическими успехами Советского Союза и иллюзией прекращения гонений на веру, митрополит Евлогий (Георгиевский) предполагал, что Москва вскоре может стать всемирным центром Православия. «...Национальные задачи могут, по произволению Божию, выполняться путями, нам неведомыми... <...> России сейчас возвращается все, что мы утратили во время революции. Пожалуй, и основной славянский вопрос разрешится – вековая задача... вековая задача, завещанная предками... Политика ведется национальная, отвечающая интересам России. Это ново. Это явление надо учесть... с ним надо считаться...»³², – говорил митрополит Евлогий.

Идеей Москвы как Третьего Рима был вдохновлен убежденный сторонник первенствующей роли Константинополя, последователь константинопольской юрисдикции профессор А.В. Карташев.

К теме особой роли Русской Церкви в будущем мирового Православия он обращается в работе «Церковь в ее историческом исполнении», опубликованной в 1934 году в журнале «Путь»³³. Карташев выражает уверенность в том, что историческая миссия Русской Церкви заключается – ни много, ни мало – в «возглавлении всего Православия»³⁴. Мысли Карташева «о великом мировом призвании нашей культуры и нашей Церкви, материально воспитавшей эту культуру»³⁵, были навеяны

«мечтой о Третьем Риме последнего на земле Православия», – мечтой, которую сам Карташев назвал «первой и единственной любовью русской души»³⁶.

В книге «Воссоздание Святой Руси», вышедшей в Париже в 1956 году³⁷, Карташев «в предвидении неизбежно грядущего восстановления Святой Руси» пытается сформулировать задачи, которые необходимо будет решить Русской Церкви, когда она вновь окажется в условиях свободы. По убеждению Карташева, пленение и мученичество Русской Церкви имеет провиденциальное значение и в будущем обернется еще большей ее славой.

Карташев прямо признается в том, что он разделяет идею Святой Руси как мессианского «Третьего Рима»: «Мы не захолустье балканализованной Европы. Мы – великая континентальная многоплеменная империя. И в то же время не какая-то торговая компания, а подлинный Третий Рим, имеющий всемирную культурную христианскую миссию. Создать имперский мир — *pax russica* на отведенных нам Промыслом просторах, закрепить на них действие русской культуры и внутренне преобразить ее духом Православия — это задача для гения. Это неотменимый, богоопределенный путь служения Великой России, внутренне – Святой Руси. Это прирожденная нам, русским, историческая миссия»³⁸.

Карташев не приемлет легкомысленного отношения современной историографии к идеи «Третьего Рима»: «Наша пресная от безрелигиозности, слишком лаическая историография допустила огромную ошибку, относясь к идеи "Третьего Рима" как к несерьезному средневековому анекдоту»³⁹, – пишет Карташев.

Согласно Карташеву, «греки соблазнили своих сынов по вере, предав Православие на Флорентийском соборе 1439 г.»⁴⁰. Однако отвержение этой унии великим князем Василием Васильевичем имело провиденциальное значение: с этого момента московский князь «почувствовал себя по внушению свыше вселенским царем всего Православия, ответственным за его неповрежденность»⁴¹. Падение Царьграда в 1453 г. представилось для русских знамением суда Божия над Вторым Римом. Когда «агарянская мерзость запустения стала на месте святе», и Святая София превратилась в мечеть, а вселенский патриарх в раба султана, тогда мистическим центром мира стала Москва – Третий и последний Рим, а русский великий князь – «новым царем Константином новому граду Константинию – Москве»⁴².

Одной из основных предпосылок построения Святой Руси, по мысли Карташева, является соборное благоустройство Русской Церкви. Русская Церковь – самая богатая и мощная из восточных Церквей.

На ней лежит наибольшая ответственность за судьбы Православия во всем мире. «Так как обратить из великого в малое ни русского народа, ни Русской Церкви вообще уже никто не сможет, то все равно в творчестве новых идей и новых форм жизни примат останется за Россией»⁴³.

Вместе с тем Карташев резко отзыается о попытках советской Москвы утвердить первенство Русской Церкви, используя антиконстантинопольские, национально-патриотические и филетические настроения в ряде Поместных Православных Церквей: «Для советской Церкви, возглавляемой Патриархом Алексием, это удобная психологическая почва, на которой поддерживается его псевдопервенство, собирающее под крылышко “красной Москвы” все сейчас оккупированные Кремлем местные православные Церкви: в Прибалтике, Литве, Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Албании. Его советскими канонистами⁴⁴ бесцеремонно отвергается тысячелетнее, на всем Востоке общеизвестное первенство чести Вселенского патриарха. Увы, расцвет маленьких национальных, воистину еретических “филетизмов” с прибавкой еще и нового, уже совершенно обманного коммунистического “патриотизма”, затрудняет реставрационную реформу авторитета Вселенского патриарха. А он должен быть восстановлен и организован, чтобы Восточное Православие перестало быть рассыпанной храминой и явилось перед миром и перед гордым латинством как соборное, правильно организованное единство»⁴⁵.

Как хорошо видно, мечтая о «Третьем Риме», Карташев оставался последовательным и убежденным сторонником идеи первенствующей роли Второго Рима – Константинополя. На его работу «Практика апелляционного права Константинопольских патриархов»⁴⁶ до сих пор ссылаются защитники особых прав Вселенского престола. Одним из первых русских богословов Карташев начал высказывать идею о необходимости превращения предстоятеля Константинопольской Церкви в реального, а не титуларного Вселенского Патриарха путем создания при его кафедре постоянного всеправославного синода⁴⁷. Между тем при прочтении работ Карташева создается впечатление, что организация такого всеправославного центра при Константинопольском патриархе рассматривалась им, скорее, как тактическая задача. Вдохновленный идеями теократии и «Третьего Рима», Карташев полагал, что будущее мирового Православия особым образом связано с Русской Церковью, историческая миссия которой заключается в возглавлении в будущем всего православного мира. Негативно оценивая попытки «Красной Москвы» утвердить свое первенство, Карташев пророчески связывал грядущий расцвет Русской Церкви и рост ее влияния на всеправославном уровне с освобождением России от власти большевиков.

Следует также отметить, что идея «Москва – Третий Рим» была достоянием отнюдь не только русских или славянских умов. В XX столетии эта идея была в ходу в том числе среди иерархов и богословов Римско-Католической Церкви на Западе. Говоря об участии в работе II Ватиканского Собора русских и греческих православных наблюдателей, католические участники отмечали, что Собор стал братской встречей Первого, Второго и Третьего Рима, хотя между патриархатами Константинополя и Москвы – Вторым и Третьим Римом – во время Собора существовали значительные разногласия, затруднявшие выработку общего отношения к происходящему⁴⁸.

Падение влияния Константинополя, обусловленное распадом Османской империи и образованием на территории независимых государств новых автокефальных Церквей, возрастание после Второй мировой войны геополитического влияния СССР вдохнули в XX столетии в идею «Москвы – Третьего Рима» новую жизнь. Если в далеком прошлом Первый Рим, желая защитить свое первенство перед возрастающим конкурентом – Константинополем – создал теорию первенства, якобы неотъемлемо принадлежащего Римской кафедре, независимо от условий политики и истории, то в XX веке к аналогичной аргументации стал прибегать Новый Рим – Константинополь, дабы отстоять свое первенство перед растущей гегемонией Москвы. Можно сказать, что в XX веке мировое Православие оказалось в ситуации конфликта между Вторым Римом – Константинополем и Третьим Римом – Москвой, аналогичной той, которая привела десятию веками ранее к трагическому разделению между Вторым Римом и Первым. Карташев полагал, что «историческое, а в пределах истории и провиденциальное, первенство Рима бесспорно»⁴⁹. Но также Карташев считал провиденциальным «изнеможение» Рима и «омоложение» его путем удвоения Вторым Римом на Босфоре. «Константин создал его не без воли Божией. Близорука была реакция Александрии – попытка удушить и захватить Константинополь, чтобы не дать ему второго места. Неудержимо было на всем Востоке признание своим вождем и своей главой иерарха новой столицы. Церковь не греховно и преступно, а вдохновенно и убежденно совоплотилась с государством, с империей во имя покорения Христу всей земной истории, не боясь материальной ее оболочки. Догматически правильное, анти monoфизитское вдохновение»⁵⁰, – писал Карташев, окрыленный собственной идеей православной теократии. Не являлось ли, исходя из логики Карташева, «изнеможение» Второго Рима – Константинополя – в XX веке столь же провиденциальным для его «омоложения» Третьим Римом – Москвой?

¹ См., например: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в ХХ веке. М.: Вече, Лепта, 2010. С. 283-338; Васильева О.Ю. Я хочу сильного Православия (<http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5253.htm>).

² Докладная записка Г.Г. Карпова В.М. Молотову о поездке делегации Русской Православной Церкви в страны Ближнего Востока // Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов / Сост. Васильева О.Ю., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. М., 2009. С. 411-412.

³ Докладная записка Г.Г. Карпова И.В. Сталину об итогах поездки по странам Ближнего Востока делегации Московской Патриархии // Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов. С. 431-432.

⁴ Антоний (Мариценко), архиепископ. Мои впечатления по возвращении на Родину // ЖМП. 1946. № 9. С. 56.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 34. Цит. по: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в ХХ веке. С. 294.

⁶ Троицкий С.В., проф. О границах распространения права власти Константинопольской Патриархии на «диаспору» // ЖМП. 1947. № 11. С. 34-45.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Троицкий С.В., проф. Где и в чем главная опасность? // ЖМП. 1947. № 12. С. 31-42.

⁹ № 29-30 от 1 августа 1947 г.

¹⁰ Цит. по: Троицкий С.В., проф. Где и в чем главная опасность? ЖМП, 1947. № 12, С. 31.

¹¹ Там же.

¹² ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 17. Л. 19. Цит. по: Васильева О.Ю. Я хочу сильного Православия (<http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5253.htm>).

¹³ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в ХХ веке. С. 294-295.

¹⁴ Речь Патриарха Сербского Гавриила, произнесенная на банкете 15 июля 1948 г. // ЖМП. 1948. № 10. С. 3.

¹⁵ Тимофей, Божией милостью Патриарх Святого града Иерусалима и всей Палестины, Алексию Блаженнейшему, Патриарху Московскому и всея Руси [послание от 23 марта 1948 г.] // ЖМП. 1948. № 8. С. 26.

¹⁶ Христофор, Папа и Патриарх Александрийский и всей Африки, Его Блаженству, Блаженнейшему Алексию, Патриарху Московскому и всея Руси [послания от 29 мая и 21 июня 1948 г.] // ЖМП. 1948. № 8. С. 24-25.

¹⁷ См.: Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004. С. 508.

¹⁸ Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, произнесенная в Московском Воскресенском храме в Сокольниках перед открытием торжественного собрания, посвященного юбилейным торжествам

автокефалии Русской Православной Церкви 8 июля 1948 г. // ЖМП. 1948. Специальный номер. С. 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ А.Ш. Описание церковных юбилейных торжеств. Празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви // ЖМП. 1948. Специальный номер. С. 50. ЖМП цитирует слова из приветственной речи Митрополита Софийского Стефана.

²¹ Речь, произнесенная Блаженнейшим Митрополитом Софийским Стефаном, Экзархом Болгарским // ЖМП. 1948. № 8. С. 13.

²² Там же. С. 16.

²³ Речь, произнесенная Высокопреосвященным Архиепископом Белостокским Тимофеем // ЖМП. 1948. № 8. С. 18-19. Ср.: А.Ш. Описание церковных юбилейных торжеств. Празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви // ЖМП. 1948. Специальный номер. С. 52.

²⁴ А.Ш. Описание церковных юбилейных торжеств. Празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви // ЖМП. 1948. Специальный номер. С. 66.

²⁵ Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, произнесенная в Московском Воскресенском храме в Сокольниках на заключительном пленарном заседании Совещания Предстоятелей и Представителей автокефальных Православных Церквей 17 июля 1948 г. // ЖМП. 1948. Специальный номер. С. 35-36.

²⁶ Там же. С. 36.

²⁷ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 294-295.

²⁸ Богословским итогом работы Совещания стал вышедший в следующем, 1949 году, двухтомник «Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей» (М., 1949).

²⁹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 295-296.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 284.

³² См.: Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 611-612.

³³ Карташев А. Церковь в ее историческом исполнении // Путь. № 47. 1935. С. 15-27.

³⁴ Там же. С. 26.

³⁵ Там же. С. 25.

³⁶ Карташев А.В. Смысл старообрядчества // Воссоздание Святой Руси. Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2011. С. 275. Статья была написана в Париже в 1924 году.

³⁷ Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. Париж: Особый комитет под председательством Сильвестра, 1956.

³⁸ Там же. С. 21-22.

³⁹ Там же. С. 39-40.

⁴⁰ Там же. С. 34.

⁴¹ Там же. С. 34-35.

⁴² Там же. С. 37.

⁴³ Там же. С. 115.

⁴⁴ Карташев, вероятно, имеет в виду в первую очередь проф. С.В. Троицкого, которого именует «советским канонистом» в книге «Вселенские Соборы» (СПб.: Библиополис, 2002. С. 294; книга вышла в свет в 1963 году, уже после смерти автора).

⁴⁵ Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. С. 120.

⁴⁶ Карташев А.В. Практика апелляционного права Константинопольских патриархов. Варшава, 1936. Подробный разбор содержания данной брошюры содержится в докладе иеромонаха Иова (Геча) «Размышления А.В. Карташева о роли Константинопольского патриарха в Православной Церкви и их отображение в трудах современных православных богословов» (Православное учение о Церкви: Богословская конференция Русской Православной Церкви, Москва, 17-20 ноября 2003 г.: Материалы. М.: Синодальная богословская комиссия, 2004. С. 129-146).

⁴⁷ См.: Карташев А.В. На путях к Вселенскому Собору. Париж. 1932. С. 21-22.

⁴⁸ См.: История II Ватиканского собора. Т. V: Собор – поворотный момент в истории Церкви / Общ. ред. Дж.Альбериго, А.Бодров, А.Зубов (Серия «История Церкви»). М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009. С. 667, 670.

⁴⁹ Карташев А.В. Вселенские Соборы. СПб.: Библиополис, 2002. С. 292.

⁵⁰ Там же.